

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПОСАДЕ СОЧИ (1905–1906 гг.)

К концу 1904 г. экономический, политический и военный кризисы российского общества, кристаллизация общественных классов, появление партийно-политических альтернатив, смятение, раскол и потеря хладнокровия правящей элитой – все это вместе взятое указывало на приближающуюся революцию.

Не осталось в стороне от революционных событий население Черноморской губернии, в состав которой входил Сочинский округ. В следствие нарастания революционной активности, особенно после публикации Манифеста от 17 октября 1905 г., в декабре этого же года в п. Сочи произошло вооруженное столкновение между сторонниками социалистических партий и силовыми структурами округа.

Предлагаемый для обозрения обвинительный акт по делу о вооруженном восстании в п. Сочи, произошедшего в декабре – январе 1905–1906 гг., является итогом юридической мысли царского периода, где 112 чел. (именно такое количество подсудимых предстало перед судом) обвинялись в попытке низложить государственную власть в определенном регионе.

Следует обратить внимание, что военные следователи не делали различия между представителями и сторонниками социал-демократов и социалистов-революционеров, объединяя их под общим названием – *представители крайних или революционных партий*. Следственные органы видели только цель, которую преследовали революционеры, т.е. свержение самодержавия или, как указывалось выше, низложение государственной власти в определенном регионе. При этом причины и желаемые последствия после устранения российских властей, к которым стремились сторонники социал-

демократов и социалистов-революционеров военными юристами, не рассматривались.

Собранный следственными органами материал довольно подробно представил картину деятельности революционных кругов, которые для достижения цели не брезговали различными методами, такими, как террор, шантаж и вымогательства. Нужно отметить, что в советский период эти три вида деятельности в историографии не освещались. В журнале «Исторический архив», изданном в 1955 г. к 50-ти летнему юбилею революции 1905 г., указанные действия революционеров не публиковались, т.е. были убраны из текста.

Кроме того, стоит обратить внимание и на других участников революционных событий, вовлеченных в политическую жизнь п. Сочи и округа. Здесь мы видим ярких представителей интеллигенции того периода: инженер Константинов, врачи Гордон и Лоренц, агрономы Александров и Каракаш, городской староста Бонкер, землевладельцы Суругин и Зензинов, домовладельцы Одинцов и Фронштейн, подполковник в отставке Жано, начальник округа Розалион-Сошальский, чиновник переселенческого ведомства Трувелер, крупные предприниматели Герсеванов и Черномордик, архитектор Буткин и другие.

Публикуемый полностью обвинительный акт тем и интересен, что его текст, практически, коренным образом не изменен, т.к. этот документ и без того ярко представляет картину произошедших событий на территории Сочинского округа в период с октября 1905 г. по январь 1906 г., что нами и представлено для обозрения.

Преп. К. В. ТАРАН

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

После обнародования ВЫСОЧАЙШЕГО манифеста 17 октября 1905 г., революционное брожение среди населения пос. Сочи и других местностей Сочинского округа, до указанного времени не проявлявшееся в каких-либо активных выступлениях революционно настроенных групп, приняло более острый характер, закончившись открытым вооруженным восстанием в п. Сочи в последних числах декабря месяца 1905 г.

По данным, собранным предварительным следствием, события, имевшие место в п. Сочи и Сочинском округе в указанный период времени, представляются в следующем виде.

Первые неофициальные сведения о высочайшем манифесте 17 октября 1905 г. проникли в Сочи на другой же день, то есть 18 октября. В этот день вечером в доме местного домовладельца Фронштейна собрался кружок лиц, среди которых были местные жители: врач Гордон, Панкратий Каракаш, городской староста Бонкер, Сутугин, Зензинов, Сальников, Поярко, Украинцев, учитель Гловачук, Сулима, Коровин, Плаксин и др. Около 9-ти часов вечера собравшиеся с пением «марсельезы» и других революционных песен, прошли по улицам к зданию городской Управы. В первый же после описанного события праздничный день, на церковной площади п. Сочи появилась трибуна, обитая красным сукном, и собравшаяся толпа пригласила местного священника отслужить панихиду по павшим борцам за свободу. Когда священник отказался служить панихиду, собравшиеся пропели сами «вечную память», после чего с трибуны начались речи ораторов. Говорили, между прочим, речи Гватуа, Сальников, Гловачук. С трибуны неоднократно раздавались крики: «долгой царя, да здравствует республика». По окончанию речей, толпа с красными флагами продефилировала по городу. В следующий праздничный день часть граждан, около 60-ти человек, с порт-

ретом Государя ИМПЕРАТОРА, иконой Божьей Матери и с национальными флагами устроили в городе патриотическую манифестацию, двинувшись к квартире начальника Округа с пением национального гимна и «Спаси Господи». Около квартиры начальника Округа эта процессия встретила другую, с красными флагами. Обе процессии разошлись без столкновения между собой, и процессия с национальными флагами двинулась к церкви. Между прочим, при встрече упомянутых процессий, шедший во главе «красных» Сальников, поравнявшись с портретом ГОСУДАРЯ, указал на него палкой, громко заметив: «чего вы носите с этим истуканом». Звон церковных колоколов привлек на площадь большую толпу народа, в присутствии которой штабс-капитан артиллерии Розалион-Сошальский прочитал народу ВЫСОЧАЙШИЙ манифест 17 октября 1905 г. Когда толпа стала расходиться от церкви, бывшие с красными флагами спрятали последние, и общий порядок не был нарушен.

С этого времени в народном доме и на площади начались собрания, на которых ораторы, члены составившегося к этому времени преступного сообщества, начали публично вести агитацию, направленную против существующего в России образа правления и, в частности, против местной законной власти.

Агитационная деятельность в этом направлении первоначально проявлялась в п. Сочи, а затем постепенно распространялась на весь Сочинский округ. Народные ораторы в Сочи Гватуа, Хуцишвили, Поярко, Сальников и др., в публично произведенных ими речах, призывали население к низвержению существующего в России государственного строя и к учреждению демократической республики. С целью привлечь на свою сторону симпатии населения, ораторы открыто и дерзко порицали действия правительства и распоряжения законных властей, доказывая необ-

ходимость передать власть в руки народа в лице выборных от него на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Не стесняясь в выражениях, ораторы Сальников, Поярко и др., неоднократно в своих речах употребляли оскорбительные выражения в отношении ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и требовали свержения Царя. Для более успешного захвата власти в руки народа, в программу революционного движения вошло постепенное дискредитирование законных властей и коронного суда и подрыв финансовых средств государства. С этой целью агитаторы, как словесно, так и через посредство нелегальных брошюр и прокламаций, внушали населению о необходимости уклоняться от уплаты налогов, от выполнения воинской повинности, предлагали забирать из государственных касс свои вклады и не обращаться в народный суд.

Результатом такого рода пропаганды было то, что некоторые сельские общества Сочинского округа действительно отказались от уплаты налогов и уклонялись от выполнения воинской повинности, забирали из казначейства вклады, закрыли сельские правления, устранили должностных лиц, составив соответствующие приговоры, и начали для решения своих дел обращаться в народные суды, зачастую перенося в эти трибуналы дела, уже решенные мировым судьей Сочинского участка.

Такого типа суд впервые был организован в поселке Сочи в здании местного народного дома, а впоследствии в селе Адлер и городе Хоста Сочинского округа. Народные судьи избирались в народных собраниях и вносились особые списки. Поступавшие в суд дела решались несколькими судьями под председательством судьи из лиц, по возможности, интеллигентных. О результатах составлялись письменные протоколы и решения за подписями участвовавших в деле судей. В пользу суда с тяжущихся взыскивались 3 %, а иногда принимались и добровольные пожертвования. Для приема письменных и словесных

заявлений установлено было дежурство судей, причем, на одного из них возложены были секретарские обязанности. Однако, не все дела рассматривались специально избранными для того народными судьями: бывали случаи, что при разрешении уголовных дел выдающейся важности, правом голоса пользовалась вся собравшаяся толпа – народ под руководством особо избранного председателя.

При подобной обстановке, между прочим, разобрано было дело о городском Сочинской городской полиции Шинкареве, привлеченном к народному суду за подстрекательство толпы к погрому. Случай с городским Шинкаревым произошел таким образом: городской Шинкарев, зная туземные языки и ввиду этого будучи, вероятно, осведомлен о замыслах и программе действия революционеров, однажды позволил себе публично высказать, что ему известно многое, и что если бы все это знали местные торговцы, то они немедленно побросали свои магазины и разбежались. Фраза эта, имевшая в виду предстоящее вооруженное восстание, сильно встревожила главарей революционного движения и понудила их принять в отношении Шинкарева самые решительные меры. Эта, неосторожно сказанная Шинкаревым фраза, была истолкована в смысле подстрекательства толпы к погрому туземных торговых заведений. Явились сомнительные свидетели, и участь Шинкарева была решена: его привели к суду народа, обезоружили, поставили на трибуну и предложили свидетелям публично уличить его. Затем Шинкарева повели в народный дом, где судили народным судом под председательством мещанина Льва Александрова. По решению этого суда Шинкарев подлежал высылке в г. Гори. После суда с него были сняты фотографические карточки для рассылки по городам с целью ознакомления жителей с личностью, запятнавшей себя подстрекательством к погрому. Получив от местного жителя отставного подполковника Жано извещение, что народ самовольно судит Шин-

карева, начальник округа Розалион-Сошальский поехал в народный дом, где происходил суд над Шинкаревым. Начальника округа встретила толпа около 300 человек, во главе с Трувеллером, Гватуа, Хуциашвили и др. Начальник округа, разъяснив присутствующим незаконность суда над Шинкаревым, потребовал немедленного освобождения его, пригрозив, в случае неисполнения этого требования, прибегнуть к вооруженной силе. Гватуа, Хуциашвили и Трувеллер, ввиду сильного возбуждения толпы, просили начальника округа, чтобы он объяснился по этому поводу с председателем сходки Александровым. Начальник округа согласился, потребовав, чтобы Александров прибыл к нему в течение получаса. В указанный срок Александров в сопровождении Трувеллера, Сулемы, Поярко, Каракаша и Егорьяна, прибыл к начальнику округа, заявил, что все представители народа, которые своим судом постановили: выразить порицание городовому Шинкареву, опубликовать его поступок в газете и, во избежание повторения агитации, выслать Шинкарева в Гори. Когда начальник округа заявил, что он не признает никакого народного суда и требует освобождения городского для привлечения его к законной ответственности, если он действительно виновен, вышеупомянутые лица ответили, что они не могут отменить решение народа и не выдадут городского. Начальник округа продолжал настаивать на своем требовании, угрожая, в случае неисполнения его, употребить вооруженную силу для освобождения Шинкарева, о чем уполномоченные поехали объявить народу. Через некоторое время явились два других уполномоченных – Гватуа и Хуциашвили, угрожая, что живым они городского не выдадут, что силой можно будет взять его труп.

Начальник округа предложил тогда командиру расположенной в Сочи роты капитану Герасимову приготовить часть роты для оказания ему, начальнику округа, содействия. Угроза эта, видимо, подействовала и главари, ве-

роятно, осознавая свою неподготовленность для столкновения с вооруженной силой, согласились добровольно доставить Шинкарева с условием после следствия отдать его им на поруки для высылки в Гори. Начальник округа ответил, что выдача на поруки зависит от мирового судьи, а отъезд Шинкарева в Гори не может быть иначе, как добровольный. Шинкарев передан был местному мировому судье и привлечен к следствию по 322 ст. Улож. о Нак. Угол. и Испр. Мировой судья, допросив Шинкарева и свидетелей, сделал постановление о заключении обвиняемого под стражу, впредь до представления поручительства за него. Таковая мера пресечения в отношении Шинкарева принята была, главным образом, в целях оградить его от возможных насильий со стороны революционеров, в расчете, что поручителя за Шинкарева не найдется. Шинкарев был освобожден из-под стражи и под давлением Гватуа и других главарей революционной организации согласился выехать из Сочи, причем, ему обещано было платить за лишение места по 25 рублей в месяц в течение года. Шинкарев выехал из Сочи в сопровождении Гватуа и Хуциашвили и по пути к месту ссылки был убит в г. Батуме. Впоследствии Гватуа, вынужденный народом дать отчет об убийстве Шинкарева, публично заявил, что преступление это совершено было по постановлению Батумского революционного комитета. Эта кровавая расправа с Шинкаревым с одной стороны терроризировала чинов полиции и стражи, а с другой стороны подняла престиж революционеров и дала им полную свободу действий.

Деятельность народных судов направлена была, главным образом, к тому, чтобы завоевать симпатии рабочего класса и тем склонить его примкнуть к общему революционному движению. Преследуя такую цель, представители революционной организации, участвуя в решении дел в народных судах, руководствовались, главным образом, узкой и односторонней партийной программой, предусматривавшей только инте-

рессы рабочего класса, в ущерб, часто, интересам работодателей. Решения народных судов проводились в исполнение очень быстро и в случае отказа добровольного подчинения им, принудительно - путем угроз и объявления бойкота. Такая организация суда способствовала тому, что народные суды в короткое время снискали себе симпатии, главным образом в рабочем классе, и подорвали доверие к коронному суду. По такой же программе действовали народные суды в Адлере и Хостах.

Умалив, таким образом, авторитет коронного суда, представители революционной организации занялись достижением другой, заранее намеченной цели, которая выразилась в умалении авторитета органов местной администрации и полиции и в учреждении городской милиции. Осуществлению этой цели в значительной степени содействовали периодические забастовки, выбросившие на улицы Сочи значительное количество безработных. Эти безработные, не имевшие ни крова, ни пищи, явились слепым и почти бессознательным орудием в руках представителей и руководителей крайних партий. Подстрекаемая ораторами толпа, не замедлила проявить враждебное, по отношению к полиции, настроение: постовые городские и воинские патрули подвергались глумлению, насмешкам и угрозам по их адресу, вследствие чего часто не могли добросовестно исполнять свои служебные обязанности. Случай с городским Шинкаревым окончательно уронил престиж полиции, и принудил городских не появляться на постах.

Воспользовавшись тем, что чины полиции отказались нести постовую службу и указывая на существующую, по их мнению, опасность погромов, которые имели место во многих городах России, представители крайних партий Гватуа, Хуциашвили, Сальников, Поярко, Коняев и др. внушили гражданам п. Сочи мысль об учреждении городской милиции, которая заменила бы собой полицию.

Ходатайство об этом, выраженное в письменном заявлении от имени некоторых граждан Сочи, поступило на рассмотрение городского Управления. В заседании по этому поводу уполномоченных явились представители крайних партий с толпой своих приверженцев и потребовали допустить и их к участию в прениях по вопросу об учреждении милиции.

Получив это право, они старались во время прений доказать несостоятельность полиции и настаивали на необходимости учредить милицию. Однако, отсутствие опасности для жизни и имущества граждан и ограниченность городских средств способствовали отклонению ходатайства об учреждении милиции, тем более, что в то время в Сочи находилась еще в составе военного времени рота Херсонского полка, численностью более 200 штыков.

Потерпев поражение, представители крайних партий, тем не менее, не отказались от своих планов и опять прибегли к содействию безработного голодного люда, направив его против мирных граждан, которым часто нельзя было показаться на улицах города, не рискуя подвергнуться оскорблениям и насилию со стороны хулиганов. Особенно тяжелое положение создалось к концу ноября, когда в Сочи из роты Херсонского полка осталось только 23 человека, а остальные нижние чины были уволены в запас армии. Выждав удобный момент, когда безобразия уличных хулиганов истощили терпение мирных граждан и большинство из них пришло к сознанию необходимости учредить какую-либо охрану, представители крайних партий вновь возбудили вопрос об учреждении городской милиции и на этот раз имели полный успех, закрепив его в форме письменного постановления, наравне с уполномоченным от города. Однако, со стороны Черноморского губернатора не последовало разрешения на учреждение милиции, а разрешена была лишь ночная охрана. По этому поводу в городском управлении состоялось заседание, на котором, с правом голоса, опять участ-

вовали представители крайних партий – Сальников, Поярко, Коняев и др. На этом заседании было решено нанять 30 охранников, с уплатой каждому из них по 25 руб. ежемесячно, относя расходы на содержание 20 из них за счет города, а 10-ти за счет местных торговцев. Заведующим охраной избран был Иван Одинцов, а помощником его – Василий Семенов. Помимо того, для выработки инструкции, которой должна была придерживаться охрана, избрана была комиссия в составе уполномоченных от городского управления – Годзи, Иванова, Одинцова, Тарковского и представителей от города – Черномордика, Суханова, Семенова, Коняева, Поярко, Читайя, Гордона и Буткина.

Комиссия из своей среды избрала председателя Гордона, а секретарем – Семенова. 30 ноября состоялось заседание комиссии, на котором была выработана инструкция для охранников. Инструкция эта, по своему содержанию, далеко вышла из рамок понятия о ночной охране, разрешенной губернатором и явно указывала на то, что учреждена не охрана, а милиция, то есть, именно то, в чем было отказано городу.

Согласно этой инструкции, охрана должна была функционировать совершенно самостоятельно, нисколько не подчиняясь административной власти, при этом не только по ночам, но и днем. Каждый охранник должен был быть вооружен револьвером за счет города и снабжен отличительным знаком в виде красной повязки на рукаве.

Таким образом, комиссия, находясь, очевидно, под давлением членов представителей крайних левых партий, вышла за пределы представленного ей права и самостоятельно учредила милицию, которая и начала функционировать с 1-го декабря. В числе милиционеров или официально – охранников набраны были преимущественно лица, сочувствующие революционному движению и впоследствии принявшие непосредственное участие в вооруженном восстании.

Деятельности милиционеров по охране города проявлялось очень мало,

но зато энергично проявлялась в отношении революционной организации, которой они в сущности и служили. Закрывшие перед митингами магазинов, снятие в табельные дни национальных флагов, распространение и расклеивание по городу нелегальных прокламаций, вызов тяжущихся в народный суд, приведение в исполнение решений последнего и т.п. – все это лежало на обязанности милиционеров. Заведующий милицией Одинцов и его ближайший помощник Семенов, впоследствии также принявший участие в вооруженном восстании, предъявили местной администрации требование об уступке в их распоряжение городского арестного помещения в здании народного дома, где и выдерживали под арестом задержанных милиционерами лиц.

Во время митингов в обязанности так называемых «охранников» входило удалять из публики тех непокорных, которые осмеливались противоречить ораторам крайних левых партий. Подобного рода милиция учреждена была в Адлере и Хостах, а по деревням были выбраны десятские и сотские.

Покончив с образованием милиции, представители крайних левых партий решили заменить существующее Сочинское городское общественное управление новым: по той же четырехчленной формуле, то есть, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Вопрос этот возбужден был 15 декабря на собрании в доме Одинцова, где обсуждался вопрос об оказании помощи безработным. Один из представителей крайней левой партии – Хуцишвили в произнесенной им речи высказался, что забота о безработных всецело должна лежать на городском общественном самоуправлении, которое, будучи избираемо ничтожным количеством граждан, в действительности не отвечает своему назначению и потому не заботится о нуждах трудящегося класса.

Ввиду таких нападков на городское управление, присутствовавшие на собрании уполномоченные от него Годзи и

Одинцов, тогда же заявили, что они слагают с себя звание уполномоченных.

На следующий день представители крайних левых партий выпустили печатное воззвание «к гражданам и гражданкам г. Сочи», которые извещались этим воззванием о том, что собрание граждан, имевшее место 15-го декабря в доме Одинцова, найдя ныне существующие городское управление в Сочи несостоятельным, решило заменить его новым, основанным на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, ввиду чего население Сочи приглашалось 16 декабря в 2 часа дня на собрание для избирания комиссии, которая и будет руководить выборами в новое городское управление всеми гражданами, без различия пола, национальности и вероисповедания.

16-го декабря, на базарной площади состоялось собрание граждан и тот же Хуциашвили, будучи избран председателем митинга, повторив вкратце содержание вышеупомянутого воззвания к гражданам и гражданкам г. Сочи, предложил собранию приступить к избранию членов комиссии, на которую будет возложена обязанность по подготовке материала для предполагавшихся выборов в Сочинское городское управление на новых началах. Кандидаты в члены комиссии избирались путем тайного голосования, а члены открыто – путем поднятия рук кверху. Избрано было человек 16 и в число их попали: врачи Гордон и Лоренц, архитектор Буткин, Хуциашвили, Каракаш, Трувеллер, Константин Лордкипанидзе, Юльян и Андрей Читайя, Христофор Мелия и др. Хуциашвили объяснил членам комиссии, что на них пока возлагается труд по переписи всего населения посада Сочи, а в дальнейшем деятельность будет указана народом впоследствии.

Ввиду такого положения дел в городе, и. д. городского старосты Хаштария, того же числа назначил чрезвычайное собрание уполномоченных городского управления, на котором доложил о результатах собрания 15 и 16 декабря и о намерении крайних левых партий за-

менить существующее городское управление новым. Заслушав доклад, собрание уполномоченных единогласно постановило пригласить на 17 декабря всех домовладельцев, торговцев, владельцев трактирных заведений, кофеен, харчевень и мастерских для совместного решения вопроса о дальнейшем самоуправлении города.

На собрании уполномоченных 17-го декабря, помимо приглашенных лиц, явились и представители крайних левых партий. И. д. городского старосты Хаштария доложил собранию то же самое, что и на последнем заседании уполномоченных, попутно ознакомив собравшихся с деятельностью городского управления и его денежными средствами, а затем заявил, что ввиду требования представителей крайних левых партий о замене существующего городского управления, готовы сложить с себя звания уполномоченных, если домовладельцы примут дела управы. Из домовладельцев высказались Торопов и Нефедьева. Первый затронул вопрос о том, следует ли признать законными выборы на митинге 16-го декабря комиссии для руководства выборами в новое городское управление, а вторая объяснила, что кандидаты в комиссию уже заранее были намечены кем-то, так как она получила такой список кандидатов. Далее говорили представители революционной партии: Гватуа, Коняев, Борис Шелехов, Семенов, которые указывали на то, что существующее городское управление избрано лишь частью населения, интересам которой и служат, и что город не проявляет своей деятельности в оказании помощи безработным, а потому существующее городское управление должно быть заменено новым, избранным всеобщим голосованием; при этом Гватуа добавил, что если городское управление не сдаст добровольно своих полномочий новому, то они, то есть революционеры, употребят силу. После этого все единомышленники Гватуа удалились. Прибывший в городскую управу начальник Сочинского округа Розалион-Сошальский предложил

уполномоченным продолжать службу, обещая в случае надобности свое содействие и помощь. В том же направлении высказались и некоторые уполномоченные, из которых Иван Одинцов предложил своим товарищам остаться на службе до ликвидации дел управления, а затем сложить с себя обязанности.

На митинге 18-го декабря, между членами вышеупомянутой комиссии произошел раскол из-за программы действий комиссии, и тогда же отказались от звания членов комиссии Сутугин, Фронштейн, Гордон и Каракаш, а избран был Борис Шелехов. На этом митинге ничего определенного выработано не было, и все разошлись.

На следующем заседании комиссии, 19-го декабря, отказались от звания членов ее Круподеров и доктор Лоренц. Тогда же председателем комиссии был избран фельдшер Болотников, а секретарями Борис Шелехов и Константин Лордкипанидзе. Прежде всего, комиссия обсудила план переписи населения Сочи, мужского и женского пола, не моложе 20 лет, для чего весь город был разбит на 10 переписных участков и, кроме того, решено было о предстоящей переписи оповестить всех обывателей особыми объявлениями, которые редактировал секретарь Шелехов. Законченная работа по переписи населения подлежала представлению в народное собрание. На заседании комиссии 20-го декабря решено было переписных участков сократить до 5-ти, а перепись поручена была Болотникову, Шелехову, Константину Лордкипанидзе, Квасовке, Хуциашвили, Теплому, Костареву, Украинцеву (он же Борисов), Христофору Мелия, Андрею и Юлиану Читайя, Коровину и др. в числе 16-ти человек. На этом же заседании оглашено было письменное заявление Лаврова об отказе его от звания члена комиссии. После этого упомянутые члены комиссии, и, в качестве добровольца – Гватуа, занялись переписью населения п. Сочи, каждый в определенном районе. 21 декабря в заседании комиссии явился член ее Трувеллер и, совместно с Бо-

лотниковым и Шелеховым, принялся за приведение в порядок материала переписи. Работа эта продолжалась до 28 декабря, т.е. до начала вооруженного восстания.

Ввиду описанных тревожных событий, начальник округа Розалион-Сошальский, вскоре после получения высочайшего Манифеста 17 октября обращался к Черноморскому губернатору за получением надлежащих новых инструкций, относительно образа действия, ввиду усилившегося брожения. Ответ был получен в том смысле, что к решительным действиям силой следует прибегать лишь в случае насильственных попыток со стороны оппозиционных групп. После увольнения в запас почти всей роты, квартировавшей в Сочи, за исключением 23 нижних чинов, и с дальнейшим развитием революционного движения, положение местной власти сделалось еще более критическим, в особенности после того, как попытки по телеграфу вызвать помощь из Батума не имела успеха, ввиду всеобщей почтово-телеграфной забастовки.

Еще с начала декабря главари революционного движения – Гватуа, Хуциашвили, Поярко и Сальников в публично произносимых речах начали призывать население Сочинского округа к вооруженному восстанию и приступили к его постепенной подготовке. 10 декабря, на заседании вышеупомянутой комиссии по городским выборам, отставной подполковник Жано доказывал не только незаконность, но и беспочвенность новых выборов, поясняя последнее тем, что новое городское управление не получит от старого денег, которые хранятся в казначействе; овладеть же казначейством можно только путем вооруженного восстания, что преждевременно даже с точки зрения такого видного вождя социал-демократии, как Плеханов, который в «Дневнике социал-демократа» доказывает полную неподготовленность пролетариата к вооруженному восстанию. По этому поводу Хуциашвили заметил, что Плеханов имел в виду 4 месяца тому назад, а «теперь мы готовы и полу-

чили распоряжение начать восстание» закончил свою речь оратор. Эта фраза Хуциашвили вскоре начала подтверждаться и в действительности: в 20-х числах декабря, в харчевне сочинского мещанина Максима Хоравы начали ютиться значительные группы пришедших туземцев, грузин и имеретин, получая там бесплатно пищу. Здесь же и в гостинице другого туземца Уты Бахии, устроен был склад оружия и боевых патронов.

На рождественских праздниках Гватуа отправился в Гагры с целью сформировать там боевую дружину для Сочи и снабдить таковую оружием. Как это, так и другое ему удалось сделать. Искусно произнесенная речь и обещание, после успешной революции в Сочи, устроить таковую же и в Гаграх, подействовало на воспаленное воображение многих слушателей, из среды которых быстро нашлись охотники. Кроме того, Гватуа внушил им, что боевая дружина необходима ему не для открытого нападения, а лишь для того только, чтобы доказать властям в Сочи силу народа.

От гагринского князя Инал-Ипа, Гватуа удалось получить швейцарские со штыками ружья для вновь сформированной дружины. Сам же князь Инал-Ипа приобрел эти ружья в количестве более 1000 штук от какого-то иностранного судна. Из Гагр эти ружья были погружены на фелюги и отправлены морским путем в Адлер, где они были спрятаны в одной из кофеен. В Адлер же на дилижансах были отправлены и дружинники. Переночевав в Адлере и соединившись там с местной боевой дружиной, весь отряд, вооруженный вышеупомянутыми швейцарскими ружьями, выступил в Сочи, следуя частью в почтовых экипажах, частью в дилижансах. 27 декабря эта боевая дружина, численностью более 100 штыков, в строю последовала по улицам Сочи. Это подтвердилось и на следующий день. В этот же день, 28-го декабря, к содержателю местной типографии Анисимову явился вооруженный ружьем один из главарей революционного движения Хуциашвили, с

двумя неизвестными и тоже вооруженными лицами, представил ему один рукописный, за подписью Коняева, экземпляр прокламации с призывом к вооруженному восстанию и потребовал немедленно отпечатать 300 экземпляров. Опасаясь ответственности перед законом и желая оттянуть время, Анисимов заявил, что заказ будет готов только к вечеру. Хуциашвили, видимо, согласился на это и, сопутствуемый своим конвоем, оставил типографию. Анисимов же немедленно отправился к начальнику округа, сообщил ему о случившемся, и просил принять какие-нибудь меры. Начальник округа Розалион-Сошальский поручил местному приставу Залевскому отправиться в типографию и арестовать набор. Однако пристав Залевский уже лишен был возможности выполнить это распоряжение, вследствие начавшейся перестрелки между стражниками Сочинской конно-полицейской стражи и прибывшей в Сочи боевой дружиной.

Перестрелка эта возникла при следующих обстоятельствах: еще до рождественских праздников начальник округа, получая сведения об энергичных приготовлениях революционеров, сосредоточил в п. Сочи почти всю конно-полицейскую стражу в количестве более 60-ти всадников. Утром 28 декабря, получив от урядников стражи Горина сведения о том, что из Адлера в Сочи выступила боевая дружина, начальник округа собрал всю стражу во дворе канцелярии округа и приказал наблюдать за появлением дружинников. Тем не менее, нескольким экипажам с вооруженными дружинниками удалось проскользнуть в нижнюю часть города, не будучи замеченными стражниками. Следующие такие же экипажи были, однако, замечены, и стражники получили приказание задержать их. Преследование было начато стражниками не в полном составе отряда, а поодиночке или по несколько человек. Первыми бросились в погоню стражники Хоблиев, Гусейн и Тугиев и погнали экипажи с вооруженными людьми в нижнюю часть города, на базар. Требо-

вание Хоблиева остановиться, экипажи исполнили, но седоки, схватив лежавшие в экипаже ружья, быстро смешались с собравшейся на место происшествия толпой. Разгорячившаяся под Хоблиевым лошадь понесла его, а в это время из толпы раздались крики: «лупи их, чего смотреть». Из толпы раздался первый выстрел, стражники ответили тем же, и завязалась перестрелка. Мятежники заняли быстро выгодное для перестрелки позиции, спрятавшись в ближайших домах и за другими прикрытиями, осыпая стражников градом пуль. Тем временем на выстрелы прискакали еще несколько стражников, по одиночке и группами, а позади – следовали и все остальные, во главе с начальником округа и офицером стражи корнетом Поповым. Преимущество позиций, занятых пешими мятежниками, и меткий огонь последних принудил стражников к отступлению. Будучи в конном строю, стражники при отступлении потеряли несколько лошадей ранеными. В то время, пока часть мятежников продолжала преследовать отступавших одиночных стражников, другая вступила в перестрелку с группой стражников во главе с начальником округа и корнетом Поповым. Эта последняя часть стражников спешила и засела в недостроенных базарных лавках. Опасаясь быть отрезанным от верхней части города, начальник округа приказал отступать. Во время этого отступления были ранены несколько стражников и убиты несколько лошадей. Одним из выстрелов, произведенных из аптеки Константина Лордкипанидзе, с головы корнета Попова была сбита фуражка, пронизанная пулей. В это же время часть одиночных стражников, отступавших во главе с Хаблиевым, оставила убитыми стражника Тутиева и его лошадь. Кроме вышеупомянутой аптеки, мятежники обстреливали стражников из дома Айвазова, бани, из других прикрытий. В числе стрелявших были Поярко, Павел Плаксин, Иван Кульбатовский, Спиридон Кубладзе и Гватуа. Во время этой перестрелки были ранены: Петр Друшляков, Степан

Перубай, Афанасий Еременко, Гавриил Иванченко, Сергей Малиновский, Захарий Оканумидов и Иван Перебейнос. Со стороны мятежников, насколько это выяснено следствием, были убиты Багринский и Антия, и ранен Федор Аксененко. Из посторонних лиц убиты письмоводитель управления Сочинского округа Иван Тарасенко и крестьянин Федор Голубов, и ранены Николай Марковский и Силантий Матека.

Первая группа стражников, не успевая соединиться со второй и не имея возможности держаться под огнем на конях, бросила последних и укрылась в недостроенном кирпичном доме, где и отстреливалась в течение нескольких часов до получения приказа отступить в солдатскую казарму, что и было выполнено под огнем мятежников, по одиночке. Вторая группа с начальником округа и офицером стражи отступила к управлению и к квартире начальника округа. На состоявшемся здесь совете решено было укрепиться на квартире начальника округа и здесь защищаться общими силами. Сюда же был приглашен местный пристав Залевский с командой городских. Однако, вскоре план защищаться в квартире начальника округа был оставлен и решено было отступить в квартиру нижних чинов роты Херсонского полка, чтобы совместно с солдатами организовать оборону. В эту же казарму перенесены были и наличные суммы казначейства. Офицер расположенной в Сочи пограничной стражи Сукин не пожелал присоединиться к отступившим в казарму, а равно отказался принять на свой пост полицейских стражников.

Еще до отступления в казарму к начальнику округа явились представители революционной партии Павел Сергеев и Теплов и предложили добровольно сдать оружие и не препятствовать введению революционного управления, но предложение это было решительно отвергнуто. В этот же день, еще до начала перестрелки, в казарму стражников с таким же предложением приходили Порфирий Учадзе и Павел Костарев, но также получили отказ.

В казарме начальство над укравшимся там соединенным гарнизоном, как старший, принял командир роты Херсонского полка капитан Герасимов, имея в своем распоряжении всего около 100 человек. Ночью же гарнизон приступил к приведению казармы в оборонительное положение и устройству окопов, вооружившись имевшимися на складе при казарме трехлинейными винтовками. В казарме же имелся достаточный запас патронов и продовольствия.

Со своей стороны, мятежники тоже энергично готовились к предстоящим событиям. Революционная организация в лице Гватуа, Хуциашвили, Коняева, Андрея Хоравы и других перенесла свою штаб-квартиру из частных квартир в харчевню вышеупомянутого Максима Хоравы, откуда рассылались инструкции по населенным местам всего Сочинского округа с требованием, часто с угрозами, насилиями, высылкой людей для боевой дружины, оружия и пороха. К этому революционному центру в Сочи, к харчевне Хоравы, отовсюду стекались люди различных национальностей, вероисповеданий и возрастов; здесь бесплатно раздавалась пища и напитки всем носившим оружие и участвовавшим в восстании; здесь же выдавались боевые патроны, порох и оружие. Такими же пунктами, в отношении получения бесплатной пищи и отдыха, была гостиница Уты Бахии и Сочинский народный дом.

Наравне с гарнизоном, мятежники занялись устройством окопов вокруг осажденной казармы, а улицы Сочи во многих местах были ими забаррикадированы и в надлежащих пунктах расставлены сторожевые посты, каковыми, между прочим, служили Сочинский маяк, церковная колокольня, дом удельного ведомства и другие здания, отвечавшие этим требованиям.

Для более быстрого сношения с другими населенными пунктами Сочинского округа, мятежники имели особых курьеров, пользуясь захваченными у стражников лошадьми. Продовольствие добывалось мятежниками прину-

дительным способом, и все сносилось в харчевню Хоравы.

Ночь с 28 на 29 декабря прошла спокойно. 29-го в казарму осажденного гарнизона явились жены и дети некоторых стражников, пропущенные мятежниками, очевидно с целью нравственного воздействия на стражников: не оказывать сопротивления. В этот же день высланные со стороны осажденного гарнизона разведчики наткнулись на траншеи мятежников и были ими обстреляны. С этого момента началась почти непрерывная перестрелка, длившаяся до полудня 1 января, когда последовала сдача гарнизона.

29-го декабря вооруженные мятежники начали отбирать у граждан Сочи огнестрельное и холодное оружие, боевые патроны и порох. Между прочим, обезоружены были также матросы Сочинской гребной флотилии. Подобное же происходило и в других населенных пунктах Сочинского округа. В Адлере мятежники обезоружили полицейскую стражу, а в окрестностях, в нескольких местах перерезали телеграфную проволоку. В Сочи главари мятежа Хуциашвили, Василий Семенов и Борис Шелехов с толпой вооруженных дружинников ворвались в канцелярию мирового судьи Сочинского участка, начальника округа и городского пристава и сожгли все дела и бумаги, захватив с собою казенные печати и штемпеля. Имущество двух последних должностных лиц было все разграблено. В канцелярии начальника округа портрет Императора Александра III оказалось простреленным. В канцелярии мирового судьи портрет ныне царствующего Императора был изорван и предан сожжению.

Другая группа мятежников взломала в канцелярии мирового судьи две кружки благотворительных обществ и похитили найденные в этих кружках деньги в количестве около пяти рублей; кроме того, захватили хранившиеся в канцелярии вещественные доказательства: ружья, пистолеты, кинжалы, ножи и т.п. Похищено было оружие и из канцелярии начальника участка Сочинско-

го округа Яникова, а сам он, разыскиваемый мятежниками, принужден был скрываться у знакомых, пока не получил охранной записки за подписями нескольких членов революционной организации. Та же участь постигла и местного жандарма Федоренко, который был вынужден оставить свой дом, и, переодетый, скрывался до появления на Сочинском рейде военных судов. Разгрому подверглись: дом Удельного ведомства и казенная винная лавка; похищенные напитки были направлены в вышеупомянутую харчевню Хоравы и в народный дом, где и распределялись между мятежниками. Туда же поступил угнанный с дачи Хлудовой и отобранный у местного домовладельца Герсеванова рогатый скот, а также свиньи, принадлежавшие офицеру стражи корнету Попову, и домашняя птица пристава Залевского. Имущество стражников, оставленное в покинутой ими казарме, также было расхищено. Мука, обувь и т.п., потребное для нужд мятежников, забиралось на основании записок, выданных за подписями одного или нескольких членов мятежной организации. Такие записки, между прочим, выданы были агенту Русского Общества Пароходства и Торговли об отпуске им муки, к торговцу Черномордику об отпуске колючей проволоки, которая, очевидно, требовалась для устройства баррикад и других заграждений.

Того же 29 декабря мятежники, предполагая, что начальник округа Розалион-Сошальский спрятался где-либо в городе и, разыскивая его, зашли в дом его близкого знакомого инженера Гофмана, где случайно наткнулись на укрывшуюся там жену начальника округа, г-жу Розалион-Сошальскую. Узнав от нее, кто она такая, один из мятежников, милиционер Теплов, сказал своим спутникам: «товарищи, она будет для нас дорогою заложницей». Тут же мятежники решили арестовать Розалион-Сошальскую и даже не позволив ей одеть верхнее платье и шляпу и не обратив никакого внимания на то, что она находится в последнем периоде бере-

менности, повели под сильным конвоєм по улицам Сочи, заключив затем под стражу в доме купца Савченко. Около арестованной постоянно находился многочисленный внутренний и наружный караул, в том числе милиционеры Плаксин и Курашвили, которые, отнесясь очень внимательно к арестованной, всячески оберегали ее от всяких посягательств и насильственных действий со стороны других мятежников. За Розалион-Сошальской, в виду ее болезненного состояния и сильного испуга, связанного еще с тревогой за участь бывшего в то время в осажденной казарме мужа, добровольно последовала тетка ее мужа, прислуга и знакомые, Будницкая с дочерью. Там же, вместе со своей женой, был арестован слывший местным «черносотенцем» Герсеванов. Розалион-Сошальскую, во время пребывания ее в доме Савченко навестили мятежники Андрей Читайя и Александр Гречкин и настойчиво предлагали ей написать письмо к мужу с советами сдать со всем гарнизоном. Пленница решительно отказалась писать подобные письма, заявив Гречкину и Читайя, что муж ее исполняет свой долг. А этот же вечер всех арестованных перевели в гостиницу Подстрелова и приставили к ним сильный караул из вооруженных милиционеров. Здесь Розалион-Сошальскую опять посетили несколько раз Гречкин и Хуциашвили и продолжали настаивать на том, чтобы она написала к мужу письмо с советом сдать.

Чтобы как-нибудь избавиться от этих назойливых предложений, измученная и совершенно больная женщина написала несколько писем мужу, но содержание их настолько не понравилось Хуциашвили, что он уничтожил эти письма одно за другим. Освобождение Розалион-Сошальской последовало лишь 1 января после сдачи гарнизона.

29-го же декабря, кроме вышеупомянутых лиц, мятежниками были арестованы письмоводитель городского пристава Кондратович и газетчик Прохор Ганьков и убит заведующий опытной станцией Главного Управления

земледелия и землеустройства Ляховецкий. Последнее событие произошло следующим образом: 29 декабря утром, один из начальников отряда мятежной боевой дружины, служивший раньше на опытной станции Роман Куция, вооруженный винтовкой и в сопровождении трех также вооруженных туземцев, прибыл на опытную станцию, где в это время рабочие закусывали в особом помещении. Неожиданно в это помещение произведен был выстрел, после чего испуганные рабочие выскочили на двор, где столкнулись с двумя всадниками, из которых один был Роман Куция, а другой никому неизвестный; два других всадника держались несколько в стороне. Куция приказал рабочим немедленно прекратить работы и отправиться в Сочи на помощь к осаждавшим гарнизон мятежникам. Приглашен был заведующий станцией Ляховецкий, от которого Куция потребовал выдачу всего бывшего у него оружия. Ляховецкий ответил отказом, сославшись на отсутствие у него какого бы то ни было оружия. Во время этих переговоров горячившаяся под Куцием лошадь начала топтать куст дорогого и редкого растения. Заметив это, Ляховецкий вежливо попросил Куцию быть осторожным и не портить растение. После такого замечания Куция приказал стоявшим около Ляховецкого рабочим отступить в сторону и в тот же момент произвел в Ляховецкого выстрел из винтовки, поранив его в бок навылет. Совершив это преступление на глазах жены Ляховецкого и других очевидцев, Куция со своими единомышленниками быстро удалился. Спустя полчаса Ляховецкий, перенесенный в свою квартиру, скончался. Еще при жизни его жена два раза посылала в Сочи за врачом, но посланные, по распоряжению того же Куция, не были пропущены в город и возвращались обратно.

В прошлом Куция имел с убитым им Ляховецким мелкие личные счета из-за увольнения Ляховецким кухарки сожительницы Куция, вместе с которой рассчитался и он сам. С другой стороны

убийство это, по-видимому, было в тесной связи с событиями революционного движения в Сочи. Будучи человеком прямым и не сочувствующим этому движению, Ляховецкий позволял иногда открыто порицать революционное движение и, между прочим, выступил однажды в народном суде защитником интересов местной дачевладелицы Толконниковой по иску к ней прислуги и выиграл этот процесс. Носились еще слухи, что Ляховецкий во время вооруженного восстания имел намерение призвать на помощь осажденному гарнизону русских поселенцев. Вот почему Ляховецкий мог быть ненавистен революционерам, которые решили избавиться от него.

Ожесточение убийцы было настолько велико, что он в течение нескольких суток не позволял предать земле труп своей жертвы. После убийства Ляховецкого, оставления его вдовой квартиры при опытной станции, мятежники разграбили все принадлежавшие хозяевам имущество и все казенные деньги.

Во время восстания мятежниками были освобождены из местного арестантского дома, числившиеся за прокурорским надзором арестанты Андрей Сеньгин и Давид Зарин, которые тогда же скрылись. 1-го января группой вооруженных мятежников, во главе с Юлием Кургманом и Юлианом Читайя в сочинском православном храме было прервано богослужение с требованием не упоминать в молитвах царя.

Мирные граждане Сочи со времени первой перестрелки между стражниками и мятежниками и до самой сдачи осажденного гарнизона настолько были терроризованы этим, что, запершись в своих домах, проводили дни и ночи с закрытыми ставнями, терпя голод и с большим трудом и опасностью добывая жизненные продукты. Все было подвергнуто контролю мятежников: хлеб и мясо выдавались мирным жителям в строго определенном количестве по числу членов каждой семьи, и в большинстве случаев не иначе, как с разрешения членов мятежной организации.

Таким же порядком отпусkaliсь из аптеки даже лекарства. Сочинский береговой маяк и агентства: русского общества пароходства и торговли и российского транспортного и страхового поступили в полное распоряжение мятежников. Во дворе маяка ими была устроена засада, на случай внезапной высадки войск с моря.

Однажды ночью был такой случай. Смотритель маяка Годзи, по требованию вооруженных мятежников, принужден был загасить маячные огни, подвергнув, таким образом, опасности проходившие пароходы. Однако, это распоряжение было отменено другой группой мятежников, которые приказали смотрителю вновь светить маяк. Самое строгое наблюдение учреждено было за появляющимися пароходами из-за боязни внезапной высадки войск. Большинство пароходов, слыша ружейную пальбу, совсем не заходили на сочинский рейд. Имевшие такое намерение не допускались на рейд самими революционерами. Такой же тактики в отношении пароходов мятежники держались в Адлере и Хосте. В Сочи мятежниками была сделана попытка – завладеть одним из пароходов, который завернул в сочинский рейд. Произошло это при таких обстоятельствах: толпа вооруженных мятежников во главе с Кругманом и Коняевым, заметив приближающийся с моря пароход, явились в казарму сочинской гребной флотилии и, пригрозив силой, потребовали от старшего шкипера Воробьева отпустить к пароходу фелюгу. В фелюгу, кроме Воробьева и нескольких матросов, поместился Коняев, имея с собой револьвер системы Маузера, и несколько вооруженных мятежников. По пути к пароходу, Коняев объяснил «товарищам» смелый план захвата парохода, объяснив, что он лично при появлении на пароходе бросится в машинное отделение и завладеет им. Товарищи же в это время должны будут проявить свою деятельность в отношении остальных помещений парохода. По данному революционерами сигналу пароход остановился, но трапа не спустил, оставаясь

в выжидательном положении. На требование подплывших мятежников спустить трап и высадить прибывших пассажиров, капитан, заметив на фелюге вооруженных людей и не доверяя им, ответил отказом, сославшись на отсутствие среди приставших к пароходу лиц агента общества. Получив отказ и потеряв надежду овладеть пароходом, мятежники произвели по пароходу ружейный залп. Капитан сейчас же отдал команду «полный ход вперед» и покинул рубку. Пароход быстро удалился, а мятежники, потерпев полную неудачу, возвратились на берег.

Пока вышеописанные события происходили в городе и его окрестностях, осада мятежниками маленького гарнизона продолжалась своим чередом. Еще 28-го декабря начальник округа командировал одного из стражников с целью дать знать о происходящих в Сочи событиях начальнику Туапсинского округа и разослать телеграммы о присылке помощи. Другой стражник командирован был в Адлер для вывода оттуда семейств стражников в Туапсе. 29-го и 30-го декабря мятежники продолжали обстреливать осажденную казарму ружейным огнем, не нанося, однако, осажденным никакого вреда. В то же время, прибывший недавно из Новороссийска Александр Гречкин, поднявший дух мятежников ложными сведениями о том, что Новороссийск, Сухум, Туапсе, Батум и другие пункты побережья находятся уже во власти народа, первый обратил внимание на старую пушку времен покорения Кавказа. Пушка эта в качестве древней реликвии находилась на церковной площади близ маяка. Вот эту пушку Гречкин и решил употребить в дело при осаде казармы. По его распоряжению пушка переправлена была в мастерскую артели слесарей, которые и приступили к исправлению ее и приведению в боевую готовность. Когда все работы были закончены, там же, на улице из пушки произведен был первый выстрел.

Способ обращения с ней объяснил мятежникам по их требованию проживавший в Сочи отставной офицер Лав-

ров. Лафетом для пушки послужила вагонетка, взятая из агентства русского общества пароходства и торговли. 30-го декабря, ночью, мятежники при помощи рельсов, взятых со двора домовладелицы Тихомировой, перетащили пушку на заранее избранную и подготовленную позицию, находившуюся на склоне хребта, как раз против фасада казармы, в которой укрывался гарнизон. Старинные чугунные ядра для пушки в изобилии имелись в Сочи и его окрестностях еще со времен Кавказской войны; мятежники собирали эти ядра и сносили их на позицию, между прочим, принудив к этой работе арестованного ими газетчика Прохора Ганькова. Со стороны казармы пушка прикрывалась деревьями и кустарниками. Лафет-вагонетка поставлена была на рельсы, так что после каждого выстрела пушка несколько откатывалась, и зарядение происходило совершенно безопасно под прикрытием насыпи. Наводчиком был вышеупомянутый Гречкин, а банщиком и другим наводчиком - отставной солдат Лаврентий Чередниченко. Для наблюдений за осажденными мятежники имели в своем распоряжении бинокли, отобранные ими у местных жителей Шевазутского и Черномордика и в казарме гребной флотилии. Во время отлучек Гречкина обязанности наводчика исполнял Квасовка. Пушка заряжалась с дульной части. Первый выстрел был неудачен и дал перелет, но, тем не менее, страшно ошеломил осажденных, которые никак этого не ожидали. С последующими выстрелами найден был правильный прицел, и чугунные ядра начали насквозь пробивать переднюю бетонную стену казармы. Выстрелы из пушки производились приблизительно через каждые 1/2 часа, пробивая иногда и внутреннюю стену, и железную крышу. В виду большой поражаемости казармы, семьи стражников переведены были в более безопасное помещение, кухню, позади казармы. Всего мятежники успели сделать из пушки около 40 выстрелов, причинив в передней стене казармы до 18 пробоин и выбив наруж-

ную дверь. Из-за недостатка пороха, иногда, на короткое время, пушка переставала действовать, но мятежники и сами приготавливали порох первобытным способом в харчевне Хоравы.

Осажденные, убедившись в том, что снаряды неразрывные, понемногу привыкли к пушечным выстрелам и относительно успокоились. Личная храбрость командовавшего осажденным гарнизоном капитана Герасимова, не щадившего своей жизни и открыто появлявшегося в окопах, ободряюще действовала на стражников и нижних чинов, хотя, тем не менее, несколько стражников тайно бежали из казармы. Однажды, неизвестный мальчик, пробравшись к осажденным, сообщил им о том, что у мятежников ощущается большой недостаток пороха и боевых патронов, и советовал им ни в коем случае не сдаваться, так как мятежники, по слухам, в случае захвата казармы, решили предать смерти всех стражников.

За все время осады никто из осажденных гарнизона не пострадал от огня мятежников, но зато холодная и дождливая погода изнуряла всех. Благодаря дождям все окопы наполнились водой, и защитникам казармы приходилось занимать посты, стоя по пояс в холодной воде. Особенно страдали от холода стражники, которых восстание застало в одних мундирах, без шинелей, а в осажденной казарме запаса верхнего платья в это время тоже не было, ввиду недавнего отпуска по домам запасных, в числе около 200 человек. Отчасти вследствие этой причины, холода, большинство стражников неохотно несло службу в окопах, старались прятаться в отхожих местах, под нарами и даже в русской печи, закладывая отверстие ее дровами. Офицерам часто приходилось разыскивать их и под угрозой револьвера, заставляя идти в окопы. Другая часть стражников, помня предостережение мальчика, что все они приговорены к смерти, решила не сдаваться, биться до последней минуты и погибнуть с оружием в руках.

1-го января капитан Герасимов, неосторожно спрыгнувший в окоп, серьезно повредил себе ногу и принужден был передать командование гарнизонном начальнику округа Розалион-Сошальскому. Однако и после этого несчастного случая с капитаном Герасимовым, все осталось по-прежнему, и вопрос о сдаче не возбуждался. За время осады, обстреливая казарму из вышеупомянутой пушки чугунными ядрами, мятежники несколько раз прибежали и к стрельбе другим снарядом, долженствовавшим заменить шрапнель. Снаряд этот изготовлялся самими мятежниками, пользовавшимися для сего особо приготовленными жестянками, набивая их мелкими частями чугунных печных задвижек. Такого рода осколки найдены были впоследствии на позиции. Во время осады, из прислуги пушки, выстрелами осажденных были ранены Чередниченко и по слухам — Леон Петросьян.

К концу осады мятежники, видимо, осознали бесперспективность дальнейшей перестрелки. Недостаток пороха, патронов и неумение вести правильную осаду принудили их избрать одно из двух средств: или путем мирных переговоров добиться сдачи осажденных, или прибегнуть к штурму. Первое средство не имело успеха, применить же второе мятежники, видимо, колебались, так как предварительно пытались изготовить непроницаемые для пуль щиты. Для этой цели они взяли из магазина купца Савенко паклю и войлок и, обшив этим материалом доску, произвели пробу, но оказалось, что пули пронизывали щит. По тем или другим соображениям, но штурм казармы не состоялся.

1-го января, около полудня мятежники подняли у пушки белый флаг и предложили осажденным вступить с ними в переговоры. Один из мятежников, Василий Семенов, обратился к местному мировому судье Курдюмову с просьбой принять на себя роль посредника в этих переговорах, но Курдюмов отклонил это предложение. Такое же предложение сделано было инженеру

Константинову и Жано. На вопрос последнего, каковы будут условия сдачи, Семенов ответил, что он уполномочен только найти посредников, а условия сдачи известны Гордону, к которому и надлежит обратиться за разъяснениями. Жано отправился к врачу Гордону и встретил его в гостинице Пострелова, где он оказал медицинскую помощь г-же Розалион-Сошальской. Спрошенный об условиях сдачи, Гордон ответил, что насколько ему известно, два человека из состава гарнизона приговорены к смерти, а жизнь остальных будет пощажена. На это Жано ответил, что он не намерен предлагать начальнику округа сохранить свою жизнь ценою жизни двух своих товарищей. Гордон возразил, что одни из мятежников настаивают на неприкосновенности жизни всех без исключения осажденных, другие требуют смерти офицера стражи корнета Попова и пристава Залевского. Сам Гордон, со времени начала восстания, по-видимому, не пользовался большим доверием мятежников, так как они относились к нему очень подозрительно. Во время разговора с Жано Гордон предложил последнему отнести начальнику округа письмо от его жены, но Жано отказался это сделать, сославшись на то, что Розалион-Сошальская, под давлением мятежников, может написать мужу письмо, по содержанию вовсе не согласное с ее убеждениями. На это Гордон ответил: ну так идите сами к Елизавете Михайловне (Розалион-Сошальской) и научите ее, как написать письмо к мужу: ее там учат, но ничего не выходит. В это время из квартиры Гордона вышла его знакомая Мария Акимова и сообщила, что осажденные подняли белый флаг. Бывший тут же Хуциашвили крикнул «ура», а инженер Константинов, как приглашенный в посредники, хотел было отправиться к казарме для переговоров, но его остановил Семенов, заявил, что, так как осажденные первые будто бы изъявили согласие на сдачу, то для переговоров с ними внепартийные лица не пойдут. По настоянию толпы Константинов вторично хотел

идти к казарме, но тот же Семенов опять не пустил его. В переговорах с осажденными участвовали Гречкин, Гватуа и Гордон; с ними же была Юлия Розен. Со стороны осажденных первоначально начальник округа Розалион-Сошальский, а затем капитан Герасимов, который во время переговоров впал в бессознательное состояние и был унесен в казарму. Окончательные условия сдачи выработаны были совместно начальником округа, Гречкиным, Гватуа и Гордоном. Согласно этим условиям, по-видимому, по настоянию Гордона, выговорено было сохранение жизни всем сдавшимся; солдаты с оружием должны были остаться в казарме; казначейство подлежало возвращению по принадлежности; стражники и городовые подлежали немедленному разоружению и должны были покинуть Сочи; оружие их должно было быть сдано начальнику округа и отправлено Черноморскому губернатору. После принятия обеими сторонами этих условий, преступлено было к фактической сдаче гарнизона; стражники и городовые сложили свое оружие, которое принял Гватуа, Хуциашвили и другие главари восстания. Некоторые стражники, опасаясь за свою жизнь, успели незаметно бежать, а некоторые надели на себя солдатские шинели и смешались с солдатами в казарме. Сдача гарнизона затянулась до позднего вечера.

1-го января начальник округа был отпущен на свободу так же, как и его жена, с которой он расположился в гостинице «Россия». Между тем, в мятежной толпе, собравшейся около казармы, поговаривали, что стражников будут казнить. Вышеупомянутый Роман Куция, вооруженный винтовкой и имея через плечо похищенную из квартиры офицера стражи корнета Попова его лядунку, приказал сдавшимся стражникам и городовым построиться и двигаться за ним, что и было исполнено. Толпа вооруженных мятежников с криками «ура»... «браво, браво, взяли черную сотню», конвоировала сдавшихся. Многие из жителей выходили на улицы по пути шествия. Во время следования

вдруг неожиданно раздалась команда Гватуа: «конвой назад». Конвойные отступили, а Гватуа, по-видимому, имел намерение расстрелять сдавшихся, но этому воспрепятствовал один из участников восстания разбойник Эрквиани, давно скрывшийся от суда по обвинению в убийстве. Этот Эрквиани пригрозил лично расправиться с каждым, кто осмелится вероломно посягнуть на жизнь захваченных мятежниками лиц. Стражников и городских, во главе с офицерами стражи, корнетом Поповым и приставом Залевским, мятежники поместили в гостинице Политова, приставив к ним сильные караулы внутри и снаружи. В этой же гостинице находились арестованные мятежниками раньше письмоводитель Кондратович и газетчик Ганьков; последний, между прочим, был арестован за то, что пытался проникнуть к осажденным и отнести им хлеб. С прибытием в гостиницу стражников и городских, Кондратович и Ганьков были перемещены в кухню. На следующий день стражники и городовые были переведены в агентство русского общества пароходства и торговли для отправки их на пароходе в Батум.

Вскоре после сдачи гарнизона, на сочинский рейд прибыли из Батума контрминоносец и транспорт с войсками. По случаю ночного времени, десант не был тотчас же высажен на берег, суда отдали якорь на довольно значительном расстоянии от берега, а контрминоносец при помощи прожектора, приступил к исследованию берега.

Неожиданное появление судов настолько ошеломляюще подействовало на мятежников, что они поспешно начали покидать Сочи, сдавая предварительно оружие революционной организации в харчевне Хоравы. Многие уносили оружие с собой.

Из мирных граждан вообще никто не получил обратно отобранного у них оружия. Тем временем Гватуа, придя по-видимому к заключению, что дело мятежников проиграно, похитил хранившуюся еще при осажденной казарме кассу казначейства и совместно с

Сергеевым увез ее в деревню Пластунскую, где поместил ее в квартире псаломщика Николая Осидзе: туда же отправлено было и захваченное из казармы оружие и боевые патроны.

В это время Гречкин и Александров с белым флагом отправились к командиру прибывшего на военных судах отряда. Для расследования всех обстоятельств дела, на берег командирован был капитан минной роты Штарк, который очень умело исполнил данное поручение. Прежде всего, он потребовал выдачу солдат роты Херсонского полка с оружием и всем казенным имуществом. Мятежники беспрекословно подчинились этому требованию. Выданы были также стражники и городовые. Другое требование о возвращении кассы казначейства встретило затруднение, так как касса была вывезена Гватуа из Сочи. Александров и Гречкин, однако, обязались перед капитаном Штарком принять все зависящие от них меры к розыску и возвращению денежных сумм казначейства. В случае неисполнения этого обязательства в назначенный срок, капитан Штарк угрожал бомбардировать город, а сам отбыл на судне с докладом командиру отряда о положении в городе. Тут, на военном совете, решено было немедленно приступить к бомбардировке города, но, по настоянию Штарка, бомбардировка была отложена до истечения данного им срока для возвращения кассы.

Тем временем Гречкин и Александров употребили все усилия, чтобы найти похищенную кассу. Назначенный срок истек, и капитан Штарк, бывший на берегу, опасался, что ежеминутно может начаться бомбардировка города. Наконец, на следующий день, утром, Александров сообщил Штарку, что казначейство разыскано; оно было доставлено из Пластунской неизвестным возницей. При подсчете оказалось, что

в кассе казначейства не хватает 159 р. 50 к., о чем и был составлен надлежащий акт. Нижние чины Херсонского полка, бывшие в числе осажденных, а также стражники и городовые посажены были на транспорт и отправлены в Батум, а в Сочи высажен был десант от разных частей войск. В Батум же отправлена была пушка мятежников, приобщенная к настоящему делу в качестве вещественного доказательства.

7-го января в Сочи возвратились стражники и городовые, оставив одного раненого во время восстания товарища в Батумской больнице; шесть других раненых стражников помещены были в Новороссийскую больницу.

Часть разграбленных мятежниками вещей из квартиры начальника округа и корнета Попова, благодаря перехваченному письму Романа Куция, найдена была при обыске в квартире сторожа удельного дома Пармена Кванталиани. Часть оружия, отобранного у мирового судьи Курдюмова и других лиц, обнаружена была в квартире Степана Харлаковича; у него же найдена была часть вещей, похищенных из квартиры и канцелярии пристава Залевского. Некоторые из стражников обнаружили часть похищенных из их казармы вещей в доме Ивана Кульбатского.

Вышеописанными событиями закончилось вооруженное восстание в Сочи.

Изложенные обстоятельства удостоверяются показаниями допрашиваемых на предварительном следствии свидетелей, данными полицейских дознаний и имеющимися при деле вещественными доказательствами.

В качестве обвиняемых по настоящему делу привлечено было 294 человека...

Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-282. – Оп. 1. – Д. 13.